УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КАЗАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Том 149, кн. 4 Гуманитарные науки *2007*

УДК 811.512'373

ВОСТОЧНЫЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ В АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА ТАТАР

Г.Р. Галиуллина

В статье рассматриваются основные этапы проникновения в антропонимическую систему татарского языка и распространения в ней восточных культурных традиций, некоторые особенности функционирования арабских и персидских личных имен в национальном лингвокультурном пространстве.

В современной лингвистической науке популярным направлением является изучение взаимоотношения языка и культуры. Каждый человек принадлежит к определенной культуре, основными национально-специфическими компонентами которой являются национальные традиции, язык, история, бытовая культура, повседневное поведение, национальные картины мира, отражающие своеобразное восприятие окружающего мира, национальные особенности мышления и т. д. В современной лингвистике язык в первую очередь рассматривается как культурный код нации, а не просто орудие коммуникации и познания. Для лингвокультурологических исследований наиболее интересным объектом является язык как результат человеческого видения мира, основанного на историко-культурном наследии как отдельной личности, так и целой нации. Между основными понятиями *язык* и *культура* соединительным мостом является личность с национальным мышлением, национальным сознанием, которые отражают культуру народа и, в свою очередь, реализуются средствами языка. Языковая личность воспринимает окружающую действительность через призму понятий, которые формируются в процессе познавательной деятельности, но немаловажную роль в восприятии мира играет национальная специфика, принадлежность к определенной культуре. Национальную специфику мировидения языковая личность выражает средствами языка, способными ее транслировать. В этой роли выгодно отличаются антропонимические единицы как наиболее культуроносные знаки.

Антропоним прежде всего – хранитель культурной информации народа, которая формируется под воздействием не только лингвистических, но и экстралингвистических факторов. Антропонимическая лексика, как и вся система собственных имен, является частью языка, реализуемого в определенной социокультурной общности. Каждый народ имеет свои особенности в культурном, социальном и трудовом опыте, что находит свое отражение в антропонимической лексике языка. Антропонимическая картина мира отражает не только национальную специфику, но и фиксирует все моменты культурных, историче-

ских и экономических контактов с другими народами. В результате таких контактов национальная культура вступает в диалог с другими национальными культурами, лингвокультурные традиции которых закрепляются в антропонимических единицах.

В формировании и дальнейшей эволюции тюрко-татарской антропонимической системы как части духовной культуры народа огромную роль сыграли восточные традиции, которые проникли в Волжско-Камский регион в результате культурных, экономических контактов и принятия ислама в X в. Мусульманская религия способствовала формированию новой культуры, вбирающей в себя исторический опыт предыдущих поколений и влияние арабо-иранской цивилизации, на основе синтеза которых возникла тюрко-татарская культура, имеющая свою специфику, отличную от мусульманских стран. Как известно, религия является составной частью человеческого общества и оказывает большое влияние на развитие культуры народа. Несомненно, распространению мусульманства способствовал и тот фактор, что ислам до проникновения в Поволжье, кроме арабской культуры, вбирал в себя достижения ирано-индийской, тюркской культур, что непосредственно оказало положительное влияние на расширение границ. Исследователи истории татар и Волжской Булгарии выделяют два главных фактора распространения ислама в Поволжском регионе: деятельность арабских миссионеров и многолетние торгово-экономические, культурные взаимоотношения с восточными странами Средней Азии, которые являлись частью мусульманской цивилизации, такими, например, как Иран [1, с. 15]. Со временем арабский язык стал не только языком богословия, но и светской науки. Из классического арабского языка в язык волжских булгар наряду с арабскими словами, выражениями, грамматическими элементами проникали и личные имена. Адаптация в новом лингвокультурном пространстве арабо-персидских антропонимов, которые являются одним из основных факторов распространения ислама, продолжалась в течение нескольких столетий. На первых этапах проникновения арабские антропонимы имели весьма ограниченное употребление. Они функционировали в основном в узкой среде представителей знати. В более широких кругах функционировали имена смешанного типа, когда наряду с арабскими в состав имени включены компоненты тюркского происхождения: *Юныс әл Болгари, Ибраһим әс Сувари, Исламкол, Акмөхәммәт, Колмөхәммәт* [2, с. 27, 61] и др. Очень распространенной была, например, имяобразующая модель *иш + арабский компонент,* функционирующая вплоть до XIX в*: Ишмөхәммәт,* фонетические варианты *Ишмәт, Ишмәмәт, Ишми; Ишкуәт, Ишморза* и др. [3, с. 105]. В последующие этапы распространения ислама сфера функционирования мусульманских имен расширяется. Если рассмотреть исторические документы, в булгаро-татарской эпиграфике и в других письменных источниках периода Золотой Орды, датированных XIII – XIV вв., уже чувствуется усиление проникновения арабских антропонимов. Большинство имен, заимствованных из арабского языка, относится к категории «истинно» мусульманских антропонимов, они посвящены Мухаммеду и его приближенным. Но, тем не менее, относительное обилие имен мусульманского происхождения в эпиграфических надписях XIII – XIV вв. носило в основном поверхностный характер, так как такого вида памятники были доступны верхнему слою

общества, а простой люд пользовался традиционным тюркским именником. Параллельное употребление тюркских и мусульманских имен продолжалось вплоть до середины XVIII в. По материалам видно, что даже в XVII в. продолжается традиция именования древнетюркскими именами: *Иштирәк и Яштирәк мурзы, Ишкәй мурза, Кадрәк мурза* и др. С XVIII в. наблюдается самый большой приток арабских личных имен, а со второй половины XIX в. заметна полная мусульманизация антропонимикона татар. Так, например, по материалам «Ревизских сказок» за 1816–1879 годы, в г. Казани в число наиболее активно употребляемых мужских имен входят антропонимы *Ибраһим, Хәсән, Муса, Хөсәен, Йосыф, Мостафа, Исхак, Мөхәммәтгали, Мортаза, Хәбибулла, Әхмәт, Мөхәммәт, Якуп, Мөхәммәтҗан, Исмәгыйль* и др. [4]. По мнению М. Ахметзянова, «в начале XX века личные имена арабского происхождения составляли 98.1% от общего числа имен, употребляемых в татарском языке» [2, с. 9]. Необходимо указать, что в XIX в формируется новая традиция именования, которая заключается в использовании сложных по составу имен, состоящих из двух и более компонентов: *Мөхәммәтвәли, Мөхәммәтрәхим, Габделгаффар, Габделрәшит, Сөйфелмөлек, Вәлибикмөхәммәт, Бибинәгыймә, Бибитәскирә, Маһисорур, Зәйнәпфатыйма, Миңлегөлҗиһан* и др. Эта традиция стала доминирующей к концу XIX – начала XX вв. Как показывают наши статистические исследования, в антропонимиконе татар г. Казани, такие имена составляют 75.1% от общего количества анализируемых имен. Столь нехарактерное для тюрко-татарского народа, который всегда стремился использовать в процессе имянаречения короткие, не более трех слогов имена, качество имянаречения осложнило практическую сторону функционирования антропонимов. Тем не менее, проникновение в антропонимическую картину мира татар и широкое распространение этих имен свидетельствует об изменении национального менталитета.

Как уже говорилось, антропонимы являются семиотическими знаками, несущими огромную информацию о культурно-историческом прошлом народа. В то же время имя выполняет определенную функцию идеологической агитации. В целях укрепления ислама наряду с другими административными мерами были использованы и антропонимические факторы. Через имена религиозного характера распространяли и идеологию ислама. По мере активизации в языке арабских и персидских личных имен формировались отдельные семантические поля. Большую группу составляют имена, непосредственно связанные с исламом. Это, прежде всего, имена – эпитеты Аллаха (*Малик «царь», Газиз «могущественный, дорогой», Халик «творец», Бари «создатель», Фаттах «податель благ», Хабир «сведущий», Халим «терпеливый», Гафур «прощающий», Гали «великий»* и др.); имена, связанные с пророком Мухаммадом и его близкими (*Мухаммад, Ахмад, Махмуд, Хамид, Фатима, Хадича, Гумар, Гусман* и др.); имена библейских пророков (*Ибрагим/Авраам, Исхак/Исаак, Якуб/Яков, Муса/Моисей, Дауд/Давид, Сулейман/Соломон, Яхъя/Иоанн, Гайса/Иисус, Исмагиль/Исмаил, Аюб/Иов, Йосыф/Иосиф, Юныс/Ионис, Харун/Аорон, Ильяс/Илья, Закария/Захарий*). Данная группа имен пользуется спросом с начала проникновения исламских традиций до современности.

К началу XX в. ислам оставался важнейшим элементом мировоззрения и определял не только морально-этические, но и общественно-политические

представления людей. Это было особо заметно в имянаречении, потому что выбор имени шел, как правило, не от родителей, а от религиозных деятелей, которые играли решающую роль в этом процессе. По этой причине предпочтение отдавалось религиозным именам. Особенно часто это происходило в сельской местности, где формирование и развитие общественной мысли, культурных ценностей шло в условиях полной, порой неосознанной, подчиненности людей системе обычаев, моральных ценностей, укладу жизни, т. е. факторам, сложившимся под влиянием ислама. Постепенное распространение арабо-персидских имен религиозного характера привело к полной мусульманизации антропонимикона татар. Но религиозный реформизм, формирование новой национальной общественной мысли способствовали изменению прежних стереотипов массового сознания и стали основными факторами распространения светских имен. Основную группу светских имен представляют антропонимы персидского происхождения.

Культурный обмен между народами способствовал проникновению восточной, прежде всего персидской поэзии. IX – XV вв. – это классический период в истории персидско-таджикской литературы. В это время на персидском языке создаются творения Рудаки, Фирдауси, Хайама, Низами, Аттара, Руми, Саади, Хафиза, Джали и многих других представителей мировой культуры. Персидский язык выполнял своего рода посредническую роль между арабским и тюркским языками и литературой. Поэтому взаимопроникновение слов, понятий, антропонимов, достижений науки, переводы литературных произведений, обмен культурными ценностями воспринимаются как естественное явление. Высокий уровень грамотности не только знати, но и простого народа способствовал распространению среди татарского народа поэтических произведений, научных трактатов как Востока, так и местных поэтов, ученых того времени. Под влиянием культурных контактов в антропонимиконе татар начинают активизироваться не только религиозные имена, но и светские антропонимы. В отличие от религиозных имен этот принципиально новый тип антропонимов появился как результат восприятия имени в виде семиотического знака, внутренняя семантика которого не является определяющим, имя уже не сообщает о личности что-либо, кроме его принадлежности к определенной религии. Постепенное заимствование культурных особенностей другой цивилизации, расширение рамок мировосприятия, контакт со значительно отдаленным пространством бытия способствовали проникновению новых единиц, не ассоциирующихся непосредственно с исламом, хотя указывающих на религиозную принадлежность. Основные мотивы имянаречения светскими именами собираются в концепты «ум, знание» и «красота», традиция употребления которых прочно вошла в сознание национальной личности. На современном этапе развития антропонимической системы эта группа имен занимает основное место [5, с. 17], например: *Галим «ученый, образованный», Зирәк «одаренный, мудрый, сообразительный»*, *Зирәк, Айзирәк*, *Гөлзирәк, Гульбустан «цветочный сад», Зухра «название планеты Венера», Дильшат «радостный, счастливый», Фархат «радость», Мардан «один из отважных мужчин», Раушан «светлый, чистый», Фирдаус «рай», Гаухар «драгоценный камень», Гульназ<гуль «цветок» + наз «нежность»,*

Гульшат<гуль «цветок» + шат «радость», Диляра «возлюбленная, красавица», Дильбар «любимая, чаруюшая», Миляуша «фиалка», Наркис «нарцис» и др.

К XX столетию антропонимическая система татарского языка представляет собой сложившуюся под воздействием восточных традиций богатую систему, отличающуюся от предыдущих этапов как составом, так и семантическим разнообразием. Мы считаем, что именно в этот период формируется уникальный состав антропонимической системы, характеризующийся расширением именника за счет светских, нерелигиозных имен и показывающий зарождение новых тенденций в имянаречении, заключающихся в привлечении в состав антропонимов новых апеллятивных слов из арабского и персидского языков: *наз «нежность», гуль «цветок, роза», джан «душа», яр «друг», нур «луч»* и др. Некоторые из этих компонентов уже функционировали в составе личных имен, но в XX в. произошла их заметная активизация, кроме того, в сочетании с тюрко-татарскими антропоформантами они образуют новые сложные имена: *Айгуль, Айназ, Ильназ, Ильнур, Айджан, Гульсылу, Гульсу, Гульчачак* и т. д. Среди антропоформантов хочется особо выделить компонет *гуль «цветок, роза»*, который имеет очень высокую частотность употребления не только в современном языке, но и на предыдущих этапах развития тюрко-татарской антропонимической системы, участвуя в образовании огромного количества личных имен. Данный компонент служит своего рода показателем женского рода, так как он используется в образовании исключительно женских имен. Данный компонент выступает в качестве и первого, и второго элемента в двусложных именах, что видно в вышеприведенных примерах. *Гуль* является распространенным мифопоэтическим образом стран Востока и Запада. Как красивейший цветок, роза упоминается в древнеиндийских сказаниях, древние греки считали ее даром богов. Мусульмане считают, что роза – подарок самого Аллаха, а белая роза выросла из капель пота пророка Мухаммада во время его ночного восхождения на небо [6, с. 65]. В классических литературах Ближнего, Среднего Востока, Малой и Средней Азии роза – это постоянный атрибут красавицы в лирической поэзии. В татарской национальной картине мира, которая формировалась под воздействием восточных традиций, *гуль* является символом любви, радости, красоты, искренности и чистоты. Мы полагаем, что мотив пожелания ребенку красоты, изящества лег в основу выбора имен с компонентом *гуль*.

Как показывают примеры, имя не является только символом, ярлыком, в нем отражается национальное миропонимание человека, его культурное наследие. Исходя из предоставленного обзора, необходимо еще раз подчеркнуть, что в формировании и развитии антропонимической системы татарского языка восточные лингвокультурные традиции сыграли огромную роль.

Summary

G.R. Galiullina. Oriental linguistic-cultural traditions in the anthroponimic worldview of the Tatars.

The article regards the main stages of oriental cultural traditions penetrating and spreading in the anthroponimic system of the Tatar language. Some peculiarities of oriental personal names functioning in the national linguistic-cultural area are also viewed in the present work.

Литература

1. *Мухаметшин Р.* Ислам в общественной и политической жизни татар и Татарстана в XX веке. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. – 246 с.
2. *Әхмәтҗанов М.* Татар шәҗәрәләре. – Казан: Татар. кит. нәшр., 1995. – 128 б.
3. *Саттаров Г.Ф.* Татар антропонимикасы. – Казан: КДУ нәшр., 1990. – 276 б.
4. Ревизские сказки о купцах, мещанах и цеховых г. Казани русского и татарского сословиях (1816–1879) – ЦГА РТ ф. 3, оп. 2.
5. *Галиуллина Г.Р.* Личные имена татар в XX веке. – Казань: Матбугат йорты, 2000. – 114 с.
6. *Стеблева И.В.* Очерки турецкой мифологии. – М.: Изд. фирма «Вост. лит.» РАН, 2002. – 101 с.

Поступила в редакцию
01.10.07

Галиуллина Гульшат Раисовна – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой современного татарского языка Казанского государственного университета.